

Войцех Каминьски

Фразеологические соответствия русского и польского языков : на материале фразеологических единиц, обозначающих природные явления

Studia Rossica Posnaniensia 26, 191-197

1995

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ РУССКОГО И ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ)

PHRASEOLOGICAL EQUIVALENTS IN POLISH AND RUSSIAN
(BASED ON PHRASEOLOGISMS DESCRIBING PHENOMENA OF NATURE)

ВОЙЦЕХ КАМИНЬСКИ

ABSTRACT. The topic of the research in this article is the comparative analysis of Polish and Russian phraseological units with elements describing phenomena of Nature, for example mud, rain and thunderstorm, fire, the sun and others.

Wojciech Kamiński, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, Instytut Filologii Rosyjskiej, al. Niepodległości 4, 61-874 Poznań, Polska – Poland.

1. Объектом наблюдения в настоящей работе были польские фразеологические единицы (ФЕ) с компонентами, обозначающими природные явления (15 единиц: *bloto I, bloto II, burza, deszcz, fala, grad, grom, lód, obłok (chmura), ogień, słońce, śnieg, wiatr, woda, zorza*) и их русские эквиваленты. При таком „одностороннем движении” не раскрываются фразеологические богатства второго языка относительно единиц, обладающих этим признаком. Только двусторонний анализ может показать состав тематической группы в двух языках, их роль во фразообразовании, в формировании фразеологических значений (ФЗ), в том числе и как символов, и полную картину симметричности/несимметричности организации эквивалентных ФЕ в отношении участия указанных лексем.

2. Источником фактического материала послужили данные *Большого польско-русского словаря*¹ (не только материал, помещенный под знаком ромба), в большей мере – *Słownik frazeologiczny języka polskiego* С. Скорупки², *Фразеологический словарь русского языка* А. И. Молоткова³, *Rosyjsko-polski słownik idiomów* О. Спиридовича⁴,

¹ Д. Гессен, Р. Стыпула, *Большой польско-русский словарь, в двух томах*, Москва–Варшава 1979.

² S. Skorupka, *Słownik frazeologiczny języka polskiego*, Warszawa 1977.

³ *Фразеологический словарь русского языка*, под ред. А. И. Молоткова, Москва 1978.

⁴ O. Spirydowicz, *Rosyjsko-polski słownik idiomów*, Warszawa 1988.

Краткий этимологический словарь русского языка Н. М. Шанского и др.⁵, толковые словари.

3. Наблюдения над эквивалентными ФЕ (в общей сложности около 200 пар) не были специально направлены на внутриязыковые характеристики ФЕ по указанным выше параметрам. Особенности их внутриязыкового фразообразования (логико-психологические механизмы переноса смыслов), коннотации (о внутренней форме судить можно, а эмоционально-экспрессивные, оценочные и стилистические характеристики в двуязычных словарях представлены скупо и непоследовательно), целостного ФЗ и грамматического устройства единиц – привлекались лишь для выявления типов и особенностей формально-семантического соотношения эквивалентных фразеологизмов. Внутриязыковая вариативность специально не исследовалась и в сопоставительном плане в общем не использовалась; коммуникативно-прагматические функции ФЕ словари, естественно, не обобщают; рассмотрение указанных лексем со значением природных явлений как лингвистических символов в основном осталось за рамками настоящего представления. Поскольку источником фактического материала были разные словари, в поле зрения попали ФЕ с двусторонней (преимущественно) и односторонней зависимостью компонентов, включающие лексемы указанного типа в качестве базового и второстепенного компонентов, единицы разной грамматической структуры.

4. Многочисленные факты наложения ФЕ при анализе методом аппликации – тождества логической части ФЗ, образной основы, коннотации и грамматической формы, включая объективную модальность конкретной ситуации и субъективно-оценочную модальность инносказательного смысла ФЕ (*szukaj wiatru w polu* – ищи ветра в поле; *szukać plam na słońcu* – искать пятен на солнце; *wyciągnąć z błota* – вытаскивать из грязи; *zmieszać z błotem* – смешать с грязью; *jak gromem rażony* – как громом пораженный; *bać się jak ognia* – бояться как огня; *dolewać oliwy do ognia* – подливать масла в огонь; *burza oklasków* – буря аплодисментов; *zorca wolności* – зоря свободы и т.д.), требуют в аспекте синхронно-сопоставительного анализа лишь констатации или структурно-типологического исследования. Объяснение полного совпадения может дать сравнительно-историческое изучение. Так, этимологический словарь русской фразеологии⁶ отмечает общеславянское происхождение ФЕ *нет дыма без огня*;

⁵ Н. М. Шанский и др., *Краткий этимологический словарь русского языка*, Москва 1975.

⁶ Н. М. Шанский, В. И. Зимин, А. В. Филиппов, *Опыт этимологического словаря русской фразеологии*, Москва 1987.

кальки из неславянских языков: *буря в стакане воды* (фр.), *висеть в воздухе* (лат.) и др. Фактами заимствования ФЕ из одного изучаемого языка в другой не располагаем.

Общезвестны объяснения заимствования (в том числе калькирования) и интернационализации ФЕ разного рода контактами между народами. Однако рассматриваемые пары ФЕ включают в свой состав компоненты, обозначающие явления природы и, по крайней мере, часть их может быть отнесена к фразеологизмам натуральным (в отличие от конвенциональных). Реальные, физические и химические свойства воды, ветра, бури, болота и др. одинаковы для языковых коллективов; общность зрительных, слуховых и прочих ощущений, впечатлений и чувственных образов природных явлений может объяснить независимое появление в языках вторичной номинации, отражающей общность семантико-ассоциативных процессов и роль эмпирического обыденного сознания в языковой картине мира. В переносном значении таких лексем и в их семантической части в составе ФЕ могут отражаться общие для двух языковых коллективов многообразные, диффузные ассоциации: *буря* – „разрушительная сила”, „серьезная опасность”, „сильное проявление”, „шум”, „грохот”, „сумятица”; *ветер* – „динамичность”, „порывистость”, „переменчивость”, „легкость”, „непостоянство” и т.д. Эта общность, конечно, не абсолютна: так, польская лексема *burza*, в отличие от русской, имеет значение „множество”, „обилие” (*burza kwiatów, włosów* – море, буйство цветов, волос). Идею независимо идентичных ФЕ польского и русского языков можно подкрепить упоминанием о их структурной и грамматической близости. Предложение об общности идентичных ФЕ более реалистично в тех случаях, если генотип в целом обозначает природную, естественную ситуацию (*wyciągnąć z błota* – вытаскивать из грязи; *puszczać na wiatr* – пускать на ветер; *wiatr w polu* – ветер в поле; *cisza przed burzą* – затишье перед бурей; *rozwiać się jak dym* – развеяться как дым; *wiele wody upłynęło* – много воды утекло и др.). К тому же в таких ФЕ, имеющих двустороннюю связь компонентов, наблюдается изоморфизм смысловой структуры генотипа и ФЭ, они слабо абстрагированы от значений свободных синтаксических единиц и довольно отчетливо делятся на компоненты знакового характера. В случаях же, если значение генотипа далеко от природной ситуации, то, хотя лексемы сохраняют образный смысл в составе ФЕ, общность модели во всех ее составляющих и индуктированного смысла ФЕ наводит на мысль об одном источнике происхождения (*wiatrem podszuty* – ветром подшутый; *chować końce do wody* – прятать концы в воду; *mówić na wiatr* – говорить на ветер и др.). В подтверждение можно привести слова Н. И. Кирилловой⁷ о непредсказуемос-

ти ситуации, которая избирается в том или ином языке для воплощения ее во ФЕ.

5. Среди анализируемых эквивалентов, пожалуй, наибольшее количество составляют единицы, различающиеся лексемами грамматически или словообразовательно (вопрос о происхождении таких единиц не только не снимается, но еще более усложняется). Доля содержательных различий между единицами на уровне грамматической и словообразовательной семантики невелика (*lody ruszyły* – лед тронулся; *rójść z dymem* – пустить в дым – отношения актива и пассива; *tańczyć z ogniem* – танцевать с огоньком; *deszcz spadających gwiazd* – звездный дождь) и эквивалентности не препятствует (такие варианты существуют в пределах одного языка).

Различия в лексическом составе могут касаться лексем со значением „явления природы”, занимающих, как представляется, образный центр этих ФЕ: *puścić dym w oczy* – пустить пыль в глаза; *rzucić w błoto* – бросать на ветер; *jak po lodzie* – как по маслу; *budować zamki na lodzie* – строить замки на песке; *wynosić kogoś pod obłoki* – возносить до небес; *burza się nad kimś zbiera* – тучи сгущаются; *rójść z dymem* – пойти прахом; *przepędzić na cztery wiatry* – выгнать на все четыре стороны; *deszcz kul* – град пуль; *fiu-fiu w głowie* – ветер в голове; *jasne jak słońce* – яснее ясного; *fala upalów* – полоса жары; *razić piorunem* – поразить громом; *płynąć z falą* – плыть по течению и др.

Отношения не совпадающих компонентов в таких, подвергающихся членению на составные части ФЕ (*дым* – *пыль*, *грязь* – *ветер*, *лед* – *песок*, *лед* – *масло*, *облака* – *небеса*, *буря* – *тучи* и т.д.), отражают присутствующие в денотате признаки, выделяемые обыденным сознанием, обычно, но не всегда, присутствующие в переносном значении слова (у слова *лед*, например, нет особого значения „скользкий”), релевантные в составе индуктированного смысла всей ФЕ, отражают их однофункциональность. В своих номинативных значениях эти лексеммы находятся в отношениях сходства, смежности, включения, пересечения, расширения, сужения смыслов. В составе ФЕ погашаются дифференциальные семы и актуализируются интегральные, категориальные, что и приводит к эквивалентности (*лед* – *песок* – „непрочность”; *лед* – *масло* – „скользкость”; *дождь* – *град* – „множество, обилие” и т.д.). Эти отношения характерны для фразообразования, для фразеосхем синонимов в рамках одного языка (*прогнать на все четыре стороны*, уст. *на все четыре ветра*), открывающих путь для их опационального расширения. Являясь эк-

⁷ Н. И. Кириллова, *О денотате фразеологической семантики*, „Вопросы языкознания” 1986, № 1, с. 28.

вивалентами, такие ФЕ значительно различаются коннотацией внутренней формы.

Различия в компонентах, которые играют роль не столько в формировании образа, сколько в индуктировании смысла (*pójsć z dymem* – *пустить в дым*; *ciągnąć wodę na czyjś młyn* – *лить воду на чью-то мельницу*; *ulecieć z wiatrem* – *как ветром сдуло*; *wysadzić w powietrze* – *взлететь в воздух* и под.), тоже характерны и для внутриязыковых фразеосхем (польск.: *iść, ulatywać z wiatrem*; русск.: *уходи, иди, отправляйся на все четыре стороны*). Замена двух типов компонентов, очевидно, переводит ФЕ в иную образную систему.

Компоненты фразеологических пар этого типа обнаруживают и более сложные структурно-семантические отношения. В составе ФЕ общий индуктированный смысл может делать нерелевантными даже названия уникальных природных явлений (*nic nowego pod słońcem* – *ничто не ново под луной*; *spaść z deszczem* – *свалиться как снег на голову*). ФЗ как бы поглощает различия между составляющими той или иной ситуации; они и разные формы их выражения становятся нерелевантными для эквивалентных ФЗ (*boi się jak diabeł święconej wody* – *как черт ладана*). Несущественно, какая именно лексема выбирается из тематической группы или парадигматического ряда, она должна лишь соответствовать выражаемому ФЗ и нести на себе приметы „характерности” обозначаемого явления: *żyć o chlebie i wodzie* – *перебываться с хлеба на квас*.

Различия в лексическом составе могут отражать характерное для функционирования внутриязыковой фразеологии явление эксплицитности/имплицитности, тоже нестойкое и подвижное: *rzucić gromu* – *метать громы и молнии*; *niech go jasny grom spali* – *разрази его гром*; *spaść z obłoków* – *упасть с неба на землю*; *pójsć w ogień* – *пойти в огонь и в воду*; *rzucić na głęboką wodę* – *бросить в воду*; *na wodzie pisane* – *на воде вилами писано*; *zniknął jak kamień w wodę* – *как в воду канул* и др.

б. Эквивалентность ФЕ с общим индуктированным логическим смыслом, с одним извлеченным из содержания генотипа семантическим корнем, закрепленным узуально за той или иной формой, но с разнообразной основой, с возможным выходом в сферу, далекую от природных явлений, и, естественно, с разным лексическим наполнением и, возможно, грамматической структурой, можно рассматривать как межъязыковую синонимию – аналог внутриязыковых синонимичных, но не варьативных пар ФЕ (*как сельдей в бочке, яблоку негде упасть* – „много народу”, „очень тесно”). Непредсказуемость ситуации или ее фрагмента для будущей фразеологизации свойственна и одному языку (например, *ехать в Тулу со своим самоваром*, но не *ехать в Астрахань со своей рыбой*). Для

двух языков в таких эквивалентах проявляется общность логических моделей, а не языковых фразеосхем. Поэтому целесообразно подходить к изучению таких единиц с позиций ономастологических. В нашем материале: „ничтожный результат от больших затрат”: *z wielkiej chmury mały deszcz – гора родила мышь*; „неразлучны, нельзя разлучить”: *ogniem ich nie rozdzielić – водой не разольешь*; „голодать”: *żyć wiatrem – питаться воздухом*; „не везет, все противодействует”: *biednemu wiatr w oczu – все шишки валяются*; „бессмысленно пытаться противодействовать”: *dmuchać na wiatr – плевать против ветра*; „о силе ветра”: *wiatr, że mało głowy nie urwie – с ног сшибает*; „о новых намерениях, о новом привлекающем объекте”: *komuś inne wiatry świszczą – другая музыка*; „обмануть, обхитрить, оставить с носом”: *wystawić kogoś do wiatru – обвести вокруг пальца*; „уничтожить, не оставить ничего”: *ani dymu, ani poroju – камня на камне*; „из одной опасности в другую”: *z deszczu pod rywnę – из огня да в полымя*; „противодействовать направлению общего хода событий”: *iść, płynąć pod wiatr – плыть против течения*; „ставить в крайне затруднительное положение”: *zostawić na lodzie – посадить на мель*; „почувствовать силу, стать перспективным”: *wypłynąć na szerokie wody – расправить крылья* и мн. др. Очевидно, ФЕ с односторонней зависимостью компонентов относить безоговорочно к эквивалентам с разной образной системой нельзя, т.к. один их компонент является свободным и переводимым (см. выше: *burza kwiatów – море цветов*).

Логическая общность как результат индуктирования смысла разных ситуаций позволяет фразеологу (с разной степенью возможности в зависимости от типа ситуации) установить соотносительность логических частей общего содержания в разных языковых формах (*iść, lecieć – плыть, z wiatrem – по течению*); сравнить способы переноса буквального значения генотипа в двух языках (*wiatr, że mało głowy nie urwie – гипербола*); с ног сшибает – „натуральная” ФЕ; показать разные оттенки значения и разные ассоциативные признаки, связанные с разной внутренней формой – т.е. коннотацию во всем ее объеме. Так, во ФЕ *все шишки валяются* выступает оттенок „реальные несправедливые обвинения, неудачи” (ср. *biednemu wiatr w oczu*); ФЕ *плевать против ветра* включает оттенок „бессмысленное, пренебрежительное выражение сопротивления, дающее обратный результат”; во ФЕ *обвести вокруг пальца* есть оттенок „изоощренная беспардонная хитрость, ловкость”; к тому же она является более экспрессивной, чем ее польский эквивалент. Такие тонкие признаки, как оттенок значения, сила экспрессии, образительность „направление ассоциации, аллюзии, „неожиданность” образцов бесполезны для двуязычного описания фразеологии.

Только глубокое изучение материала позволит судить о национальной специфике фразеологических эквивалентов с разной образной структурой. Бесспорно, что иные образы для выражения известного содержания поражают воображение носителя другого языка, и некоторые из них воспринимаются как характерологические и даже экзотические. Они отражают разную в двух языках языковую картину мира.

7. Безэквивалентными называют единицы, план содержания которых не соотносится с ФЕ второго языка. Это может быть единица, обогащенная историко-культурными, национально-специфическими фоновыми знаниями; для нее во втором языке нет соответствующей фразеосхемы; она имеет специфический индуктированный смысл; для нее просто не найден лексикографами фразеологический эквивалент, что вполне объяснимо и оправданно.

В *Большом польско-русском словаре* 12 из изучавшейся группы фразеологизмов переведены на русский язык описательно, путем выведения логической формулы смысла, т.е. могут считаться безэквивалентными. На проверку со стороны русского языка, при достаточно гибком понимании межъязыковой синонимии, их можно перевести с помощью ФЕ разной структуры – в идеале той же фразеосхемы: *rzucić na głęboką wodę* (истолковано: „учить на трудных заданиях”) – *бросить в воду*; *choćby pioruny były* („наперекор всему”) – *пусть небо рушится* (земля разверзнется); *idzie jak woda* („раскупается нарасхват”) – *из рук хватают, рвут*; *jak lodu* („в изобилии, сколько угодно”) – *как грибов*; *poruwać się z motyka na słonce* („браться за непосильное дело”) – *сражаться с ветряными мельницами*; *puszczać z wiatrem* („прожигать, мотать”) – *пустить по ветру*; *wpaść po ogień* („забежать на минутку”) – *прибежать по огонь* (устар.); *czekać jak kania na deszcz* („ждать не дожидаться”) – разг. *как соловей лета*; *w gorącej wodzie kąpany* („вспыльчивый человек”) – *как порох, спичка*.